

В. В. Синиченко

доктор исторических наук, профессор
Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID: 0000-0001-9384-2175. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Д. Б. Кавецкий

Восточно-Сибирский институт МВД России

Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

ORCID: 0000-0003-1203-1165. E-mail: Kadmi68@mail.ru

Кадровое обеспечение милиции Иркутской губернии в период антибольшевистской власти в 1918–1919 гг.

Аннотация: В статье поставлена цель изучить деятельность милиции Иркутской губернии в годы Гражданской войны. Объектом исследования в статье стали подразделения народной (гражданской) милиции, созданные в начале марта 1917 г. и действовавшие на основании Положения, принятого Временным правительством России 17 апреля 1917 г.

28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД РСФСР издал новое постановление «О рабочей милиции», но после свержения Советской власти летом 1918 г. на востоке страны, восточные регионы вернулись к Положению от 17 апреля. Функционирование милиции в 1918–1919 гг., основанной на принципах Временного правительства, и стало объектом анализа в настоящей работе.

Предметом исследования является кадровая работа, осуществлявшаяся в указанный период в правоохранительных органах Прибайкалья.

Наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, дедукция, индукция и т. п.) в работе использовались проблемно-хронологический и сравнительный методы, которые позволили выявить динамику исторических событий в Восточной Сибири, их влияние на политику и принятие решений, а также раскрыть сходство и различия по формам, организации и проявлению действий милиции, действовавших на востоке России в исследуемый период времени.

Делается вывод, что деятельность властей Иркутской губернии по комплектованию подразделений милиции была некавалифицированной.

Конечно, руководители различных уровней в меру своих ограниченных ресурсов старались укрепить органы охраны общественного порядка, но отсутствие системности в организации правоохранительной работы оказывало отрицательное влияние на деятельность милиции.

Ни Омское правительство, ни гражданские и военные власти Иркутской губернии не смогли обеспечить на должном уровне ни материального снабжения милиции, ни её кадрового обеспечения. В результате милиция Иркутской губернии не только не выступила на защиту власти против большевиков, но и не смогла справиться с функциями охраны правопорядка. Рост уголовной преступности в 1918 и 1919 гг. фиксируется всеми печатными изданиями Иркутской губернии того времени, а также статистическими отчётами губернской милиции.

Ключевые слова: преступность, милиция, кадры, большевики, белые правительства, Сибирь, уголовно-розыскное бюро, правопорядок.

Для цитирования: Синиченко В. В., Кавецкий Д. Б. Кадровое обеспечение милиции Иркутской губернии в период антибольшевистской власти в 1918–1919 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 33–41. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-33-41.

Vladimir V. Sinichenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Academy of Management of the MIA of Russia

8, str. Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh, Moscow, 125171, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9384-2175. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Dmitry B. Kavetsky

East Siberian Institute of the MIA of Russia
110, Lermontov str., Irkutsk, 664074, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1203-1165. E-mail: Kadmi68@mail.ru

Personnel support of the police of the Irkutsk province during the period of anti-Bolshevik power in 1918–1919

Annotation: The article aims to study the activities of the police of the Irkutsk province during the Civil War. The object of the study in the article was the units of the people's (civilian) police, created in early March 1917 and acting on the basis of the Regulation adopted on April 17, 1917 by the Provisional Government.

On October 28 (November 10), 1917, the PKIB of the RSFSR issued a new decree «On the Workers' Police», but after the overthrow of Soviet power in the summer of 1918 in the east of the country, the eastern regions returned to the Regulation of April 17. The functioning of the police in 1918–1919, based on the principles of the Provisional Government and became the object of analysis in this work.

The subject of the study is the personnel work carried out during this period in the law enforcement agencies of the Baikal region.

Along with general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction etc.), the work used problem-chronological and comparative methods that revealed the dynamics of historical events in Eastern Siberia, their impact on politics, on decision-making, and revealed similarities and differences in the forms, organization and manifestation of police actions operating in eastern Russia in the indicated historical period of time.

It is concluded that the activities of the authorities of the Irkutsk province to recruit police units were unskilled.

Of course, leaders at various levels, to the extent of their limited resources, tried to strengthen the public order authorities, but the lack of systemic organization of law enforcement work had a negative impact on the activities of the police.

Neither the Omsk government, nor the civilian and military authorities of the Irkutsk province, could provide at the proper level not the material supply of the police, nor its personnel support. As a result, the police of the Irkutsk province not only did not defend the authorities against the Bolsheviks, but also could not cope with the functions of law enforcement. The increase in criminal criminality in 1918 and 1919 is recorded by all printed publications of the Irkutsk province of that time, as well as statistical reports of the provincial police.

Keywords: crime, police, personnel, Bolsheviks, white governments, Siberia, criminal investigation bureau, law and order.

For citation: Sinichenko V. V., Kavetsky D. B. Personnel support of the police of the Irkutsk province during the period of anti-Bolshevik power in 1918–1919 // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87) – P. 33–41. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-33-41.

Рост преступности и снижение уровня общественной безопасности в России после революций 1917 года привели к существенной утрате доверия органами государственной власти и местного самоуправления. Наиболее критическое отношение население испытывало к милиции, сотрудники которой ежедневно взаимодействовали с гражданами новой России. Проступки и преступления, совершаемые сотрудниками милиции, которые были приняты на службу после февральской революции 1917 г., дискредитировали по сути всю систему государственной власти новой России.

Поскольку подбор кадров, их обучение, расстановка, определение эффективных мотивационных и дисциплинарных мер для сотрудников правоохранительных органов имели и

имеют первостепенное значение для всей государственной службы и являются неременным условием для успешной деятельности современной полиции, нам важно изучить исторический опыт кадровой работы предыдущих поколений российских правоохранителей.

Отметим, что вопросы функционирования «народной» милиции в годы Гражданской войны относительно кратко рассматривались в академических изданиях современного российского периода¹.

¹ МВД России : энциклопедия / под ред. В. Ф. Некрасова. – Москва: Олма пресс, 2002. – С. 275–279; Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк / под ред. В.Ф. Некрасова. – Москва: Объединённая редакция МВД России, 1996. – С. 183–195.

Подробно правовые аспекты становления «народной» милиции анализировались в ряде статей современных исследователей [5; 6; 7; 8; 11].

Подразделения народной (гражданской) милиции, созданные в начале марта 1917 г., действовали на основании Положения, принятого 17 апреля 1917 г. Временным правительством России.

28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД Советской России – РСФСР издал новое постановление «О рабочей милиции», и «народная милиция» сменилась «рабочей милицией». Но после свержения Советской власти в Сибири летом 1918 г. там вернулись к Положению от 17 апреля 1917 г. и снова воссоздали «народную милицию».

Вопросы институциональных форм становления «народной милиции» в годы революции и Гражданской войны также получили освещение в ряде работ [1; 3; 4; 9; 10; 12; 13].

Есть работы, посвященные и непосредственно кадровой работе в милиции, но Временного правительства до октября 1917 г. [2], а не «белых» правительств 1918 и 1919 гг.

В каком ужасном состоянии находилась кадровая работа в правоохранительных органах по подбору сотрудников в то время, видно и из многочисленных источников.

Так, в статье современника событий революции и гражданской войны в Приангарье М. Кина «Авгиевы конюшни», опубликованной 4 сентября 1919 г. в газете «Свободный край», автор критикует деятельность милиции и отмечает, что местной власти так и не удалось «набрать и организовать добропорядочный, отвечающий своему назначению кадр агентуры, которая ставила бы превыше всего закон и право»².

Отметим, что милиция, сформированная весной 1917 года, являлась децентрализованной структурой, формируемой на местах. Вследствие этого данная деятельность имела существенные различия между регионами, в том числе в таком деле, как подбор, подготовка и расстановка кадров³.

Иркутская милиция, созданная весной 1917 года под руководством бывших политзаключенных и ссыльнопоселенцев из числа местного населения, не была расформирована в период власти большевиков. В дни вооруженного противостояния и упразднения в губернии органов власти Временного правительства служащие Иркутской городской милиции отказались участвовать в забастовке по призыву Иркутской городской думы. Политическая позиция иркут-

ских милиционеров была выражена заявлением, что «в виду особого положения Милиции, которая каждый момент должна быть готова к защите всех граждан и по службе своей должна быть вне всякой политики»⁴.

После установления Советской власти отдельные милиционеры, не согласные с Октябрьским переворотом, уволились, а губернское и городское руководство милиции было заменено на сторонников большевиков. В целом же структура милиции не претерпела изменений, так как подавляющее количество сотрудников продолжило правоохранительную службу.

В дни падения Советской власти в Иркутске имели место грабежи, погромы и нападения на объекты милиции со стороны анархистов. 11 и 12 июля 1918 г. они пытались взять штурмом второй и четвертый комиссариаты милиции г. Иркутска, но были встречены огнем оборонявших свои здания милиционеров. «Только после того, как у защитников здания четвертого комиссариата закончились боеприпасы, они получили команду немедленно уходить. При этом среди милиционеров один – Штембель, погиб, а другой – Кещинский, получил тяжёлое ранение. Среди анархистов погибли и были ранены 10 человек»⁵.

Данный факт, как и позиция милиционеров в период как установления, так и свержения Советской власти, свидетельствует об аполитичности основного состава Иркутской городской милиции, а также о сознательном отношении сотрудников к своей работе по охране общественного порядка.

Сотрудники милиции, не принявшие смену власти, покинули город вместе с руководителями и активными сторонниками Советской власти, как это сделал начальник железнодорожной милиции Трифонов⁶.

После ухода большевиков высшей властью в губернии объявила себя Иркутская губернская земская управа под председательством эсера П. Д. Яковлева, признавшая в июле 1918 г. власть Временного Сибирского правительства в Омске. В иркутских газетах сообщалось, что уполномоченный этого правительства Н. В. Фомин, официально объявил о назначении П. Д. Яковлева на должность губернского комиссара с возложением на него задачи «управления общегосударственными органами и представительствами центральной власти» на территории Иркутской губернии. Перед губернским комиссаром была поставлена задача «установления власти

² Кин М. Авгиевы конюшни // Свободный край. 1919. – 4 сентября. – С. 2.

³ Хрисанфов В. И. История государства и права России 1917–1999 гг. : курс лекций. – Санкт-Петербург: Лань : С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. – С. 24.

⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. Р-911. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 7.

⁵ Бой у 4 комиссариата // Иркутские дни. – 1918. – 14 июля. – С. 4.

⁶ В железнодорожной милиции // Иркутские дни. – 1918. – 16 июля. – С. 3.

Временного Сибирского правительства путем уничтожения Советской власти, восстановления земских и городских самоуправлений, организации вооруженных сил», а также обеспечения «охран[ы] жизни и достоинства граждан»⁷.

От имени губернской земской управы П. Д. Яковлев распорядился возложить проведение мероприятий, необходимых для охраны общественной безопасности, жизни и имущества граждан, на военный штаб под командованием полковника А. В. Элерц-Усова⁸.

Была также поддержана инициатива граждан по восстановлению запрещенных большевиками органов самообороны.

Военное командование занявших город войск также приняло меры к обеспечению правопорядка в городе. Командир Средне-Сибирского корпуса полковник А. Н. Пепеляев «для восстановления нормальной жизни» 13 июля 1918 г. объявил город «на военном положении», временно воспретил «всякие сходки и митинги» и «со всей строгостью военного закона, до расстрела включительно» пообещал преследовать хулиганов и мародёров⁹.

После ухода войск на Восточный фронт потребность повседневного обеспечения правопорядка обуславливала необходимость устройства милиции в Иркутской губернии.

В результате сотрудники «рабочей милиции», большинство которых оставалось на своих служебных местах, несмотря на смену власти, сохранили свои прежние должности. Организационная структура, сложившаяся ранее, также сохранялась. Поменялась только терминология. Так, «комиссара милиции» стали называть «начальником охраны», а комиссаров районов – начальниками районов¹⁰.

Восстанавливалась работа уголовно-розыскного бюро, ранее распущенного «по просьбе» прибывших «с Даурского фронта анархистов»¹¹.

После стабилизации ситуации в городе были проведены увольнения и аресты некоторых милиционеров как активных сторонников Советской власти. Так, 19 июля 1918 г. были «арестованы и переправлены в городскую тюрьму начальник 6-го района Ковальков и три его помощника, а несколько милиционеров района уволены». 22 июля 1918 г. отстранили от должности начальника охраны г. Иркутска В. А. Щепачева, а через три дня арестовали его помощника Добролюбова»¹².

Большинство сотрудников милиции, в том числе и руководство районных подразделений, остались на своих местах. В некоторых волостях сельской местности с весны 1917 г. даже сохранились так называемые добровольные или «бесплатные милиционеры»¹³.

Отстранение начальника Иркутской городской милиции В. А. Щепачева, как и некоторых других руководителей милиции, имело место вследствие восстановления «в прежней должности тех, кто её лишился по решениям советской власти»¹⁴.

Так, начальником охраны стал 28-летний выпускник юридического факультета Петроградского университета, член партии социалистов-революционеров, подпоручик Л. Я. Малышев. Должность его помощника занял С. Д. Ряховский¹⁵.

Руководство милицией в губернии было возложено на губернского инспектора милиции М. И. Постникова. Под его началом были объединены городская, земская (9 уездных районов), горная и железнодорожная милиции¹⁶.

Таким образом, как и после прихода к власти большевиков, так и после падения Советской власти в регионе структура милиции не претерпела существенных изменений, а большинство сотрудников продолжили службу.

Восстанавливая местное самоуправление досоветского времени, Временное Сибирское правительство соответствующим образом организовывало и правоохранительную деятельность. Согласно утвержденным им 14 июля 1918 г. «Временным правилам к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», восстанавливалось действие Положения о милиции, принятое Временным правительством 17 апреля 1917 г. [4, с. 3], которое вновь стало руководящим документом для милиции Приангарья летом 1918 г. Также восстанавливалось действие нормативных правовых актов органов местного самоуправления, в подчинении которых находились подразделения милиции до установления Советской власти. Это свидетельствует о позиции нового руководства губернии считать себя правопреемниками упразднённых большевиками в начале 1918 г. губернских властных структур.

17 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство постановлением своего Админи-

⁷ Фомин Н. В. К населению г. Иркутска и Иркутской губернии. // Иркутские дни. – 1918. – 14 июля. – Л. 2.

⁸ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

⁹ Приказ № 2. 13 июля 1918 г. // Иркутские дни. – 1918. – 14 июля. – Л. 2.

¹⁰ Переименование комиссарских должностей // Иркутские дни. – 1918. – 19 июля. – С. 3.

¹¹ В уголовно-розыскном бюро // Иркутские дни. – 1918. – 21 июля. – С. 2.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 192. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 5.

¹³ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 21.

¹⁴ Местная жизнь // Иркутские дни. – 1918. – 28 июля. – Л. 3.

¹⁵ Новые назначения // Иркутские дни. – 1918. – 30 июля. – С. 2.

¹⁶ Новые назначения // Иркутские дни. – 1918. – 25 июля. – С. 2.

стративного совета приняло решение «об изъятии милиции из ведения городских и земских самоуправлений с передачей её в ведомство МВД»¹⁷.

Внеся необходимые изменения в целый ряд законодательных актов, правительство утвердило «Временное положение о сибирской милиции», которое содержало целый ряд требований, предъявлявшихся к поступающим на службу в милицию. Они должны были иметь российское гражданство; достичь возраста в 21 год; иметь образование не ниже среднего для назначения на должности начальников милиции и их помощников. В отношении рядового состава милиции требовалось быть «вполне грамотным».

Не принимались на службу в милицию следующие категории граждан:

«1) состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях; 2) подвергавшиеся по суду лишению или ограничению прав или осуждённые хотя и без лишения прав, но за преступления, наказание за которые сопряжено с поражением прав, а также осуждённые за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества, подлоги, лихоимство и ростовщичество, если со дня наказания прошло менее 5 лет; 3) несостоятельные должники; 4) состоящие под опекой за расточительность; 5) содержатели домов терпимости; 6) занимавшие ответственные должности при Советской власти»¹⁸.

В целом оценивая положение, мы можем сказать, что главное отличие от более раннего постановления Временного правительства состояло в том, что к работе в милиции не допускались ответственные работники при Советах [7, с. 37].

Реформа милиции и её вывод из подчинения органам местного самоуправления не являлись неожиданными для руководителей сибирских губерний. Курс на твёрдую власть, «которая смогла бы без проволочек и беспрепятственно организовать все силы страны для победы» и устранить все то, «что может ей мешать действовать быстро и решительно», был доведён военным министром Сибирского правительства генералом А. Н. Гришиным-Алмазовым до сведения местных властей на открывшемся 20 июля 1918 г. в Томске собрании Сибирской областной думы. На собрании присутствовала и делегация возглавивших Иркутскую губернию социалистов-революционеров во главе с председателем областной думы И. А. Якушевым. По воспоминаниям делегата собрания – председателя Иркутского земельного комитета М. А. Кроля ир-

кутяне крайне отрицательно отнеслись к речи Гришина-Алмазова, расценив её как «мысль о военной диктатуре» [3].

По возвращении в Иркутск иркутские делегаты довели до руководителей местных органов самоуправления положения намечавшихся реформ. При их обсуждении иркутская городская и губернская земские управы «выявили свое отрицательное отношение к переходу милиции в ведение МВД»¹⁹.

Так, проходившее 7–10 августа 1918 года по старому стилю Ангарское аймачное земское собранию постановило, что «в случае передачи милиции от земства в ведение МВД за желательность замещения милицейских должностей выборными милиционерами, избранными соответствующими собраниями»²⁰.

В Нижнеудинске местное земское собрание на своем заседании 31 августа 1918 г. постановило «пока мириться с временным переходом милиции в ведение МВД»²¹.

15 августа 1918 г. начальникам милиции в Иркутске и уездах Иркутским губернским инспектором милиции было отправлено указание о недопустимости выборного начальства в милиции и о назначении и подчинении всей милиции в уезде начальнику уездной милиции»²².

Находящиеся у власти в губернских структурах власти сторонники децентрализованных органов охраны общественного порядка тем не менее не отказывались выполнять решение Омского правительства, а только высказывали свое несогласие с его содержанием. Уже после выхода «Временного положения о сибирской милиции», принятого Административным советом Временного Сибирского правительства 17 сентября 1918 г., благодаря которому милиция становилась исполнительным органом Временного Сибирского правительства на местах и действовала в составе единого государственного МВД, данная реформа критиковалась на втором Иркутском чрезвычайном губернском собрании 6 октября 1918 г.

В своём докладе и ответах на вопросы делегатов собрания губернский инспектор милиции Постников отмечал, что переход милиции в ведение МВД «и самим министерством мыслиться как временная, но необходимая при данном положении мера», и «не принять» перехода «нельзя, так как это категорический приказ правительства». «Выборного начальства в милиции (тоже) быть не должно, так как это при настоящем уровне развития народа поведёт к отрицательным результатам, возникнет панибратство между милицией и населением»²³.

¹⁹ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 7.

²⁰ ГАИО. – Ф. Р-243. – Оп. 7. – Д. 16. – Л. 3.

²¹ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21.

²² ГАИО. – Ф. Р-38. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 206 об.

¹⁷ ГАРФ. – Ф. 4531. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 98 об. – 101 об.

¹⁸ ГАРФ. – Ф. 4531. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 99–101 об.

Заместитель председателя губернского земств Г. П. Ассар в своём выступлении при обсуждении доклада Постникова отметил, что «с переходом милиции в ведение МВД мириться нельзя» и что в «Иркутской губернии ничего не изменилось только потому, что здесь на посту губернского комиссара и губернского инспектора милиции стоят люди определённого земского направления». Собранию было предложено считать «переход милиции в ведение МВД как временную меру» вследствие войны с большевизмом, что и было принято в резолюции 30 голосами «за» и 2 «против»²⁴.

Таким образом, земские органы власти губернии хоть были и против передачи управления милицией из своих рук в ведение МВД Сибирского правительства, приняли к исполнению постановление о милиции и в дальнейшем работали в соответствии с его Положением.

Руководителей подразделений милиции в Иркутске и уездах губернии назначали в основном из отставных военных, а также бывших служащих полиции или милиции Всероссийского Временного правительства. Курс на данную кадровую политику прямо указывался губернским комиссаром П. Д. Яковлевым через иркутскую прессу. Газеты с явным неудовольствием сообщали о назначении «стары[х] деятел[ей] дореволюционной полиции» на «видные посты уездной милиции», указывая должности назначаемых лиц при их службе в царской полиции²⁵.

Иркутская либеральная пресса и общественность, после того как Сибирское правительство возглавил А. В. Колчак, ранее не допускавшие весной и летом 1917 г. приёма на службу в милицию бывших служащих полиции, выражали недовольство при принятии кадровых решений губернскими правоохранительными органами. Принадлежность к служащим бывшей российской полиции перестала в 1919 г. быть отрицательным фактором для приёма на службу в милицию.

Тенденцию к преимуществом милиции по отношению к полиции можно увидеть и в переименовании должностей младших помощников начальника милиции в надзирателей милиции²⁶. Налицо явный возврат дореволюционной терминологии.

Другим источником комплектования милиции стал приём на службу офицеров, находящихся в запасе. Руководство губернии своими ходатайствами перед военным командованием добивалось предоставления офицерам, «занимающим штатные должности городской и уездной милиции», отсрочки от призыва в дей-

ствующую армию²⁷. Военное командование шло навстречу ходатайствам гражданских властей и удовлетворяло их просьбы об отсрочке от призыва. В Иркутске в ноябре 1918 г. из шести начальников районов воинские звания имели трое, у двоих из них звания были выше, чем начальник городской милиции.

Комплектование должностей милиционеров осуществлялось в соответствии с требованиями «Временного положения о сибирской милиции». О каком-либо конкурсе на должности сведений не имеется. Денежное довольствие милиционеров было ниже, чем для рабочих. Очень остро стоял вопрос о дисциплине принятых на службу милиционеров, и особенно о пьянстве среди них. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) сохранились приказы начальника Иркутской милиции поручика Малашева. По данным документам можно сделать вывод об имевшейся кадровой текучке среди милиционеров в городских подразделениях. В большинстве ежедневных приказов имеются разделы «увольняются» и «назначаются» с перечислением лиц, оставляющих или замещающих должности. Увольнения в основном происходили по отрицательным мотивам.

Отметим, что китайская община Иркутска при правлении А. В. Колчака снова, как и при Временном правительстве, ходатайствовала «через своего консула» «о разрешении иметь обществу на своем содержании 8 милиционеров китайцев, полагая, что таковые могут оказать большие услуги в делах раскрытия преступных деяний и задержания преступников из среды китайцев». В ходатайстве китайцам было отказано, «так как милиция организуется государственная, а не национальная»²⁸. Для работы с китайцами использовался сотрудник старой полиции, китаец, имевший российское подданство – Сюй Высянь²⁹.

В уездах и волостях Иркутской губернии оценка состояния деятельности милиции в ноябре 1918 года была проведена органами местного управления.

Отмечалось, что в Нижнеудинске в 1918 г. на службу в милицию поступили люди «с тёмным прошлым»³⁰. В Балаганском уезде милиция была незнакома не только с законами, но и с «Положением о милиции». Многие милиционеры потворствовали самогонварению³¹.

В селе Братском «милиция не боролась с преступностью и самогонкой»³².

²⁶ ГАИО. – Ф. Р-38. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 364.

²⁷ ГАИО. – Ф. Р-911. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 192 об.

²⁸ Отклонение ходатайства от Китайской милиции // Свободный край. – 1918. – 7 сентября. – Л. 3.

²⁹ ГАИО. – Ф. Р-38. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

³⁰ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21.

³¹ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 4.

²³ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.

²⁴ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9 об.

²⁵ Местная жизнь // Наше дело. – 1919. – 22 января. – С. 3.

В сельской местности критика милиции строилась в основном на невыполнении ею своих обязанностей по борьбе с самогонварением.

Проверяющие видели причину данной ситуации в низком денежном довольствии милиционеров. «Получая 240 рублей в месяц, милиционеры не в силах пропитаться за эти деньги», и поэтому их «заработок – охота за самогонкой. С крупными самогонщиками у них деловой контакт, у мелких же они отбирают самогонку и сами пьют»³³.

Имелись и положительные отзывы о милиции. В Тулунской волости инспектор отмечал отсутствие суда и то, что «порядок держится на милиции», отношение населения к которой «дружелюбное»³⁴.

Таким образом, по отчётам проверяющих в большинстве волостей Приангарья имелись милиционеры, но инструкторы отмечали их неопытность и недостаточное количество. На это же жаловалось и местное население, предлагавшее для борьбы «с преступностью и самогонкой вооружить 2–3 человек в каждом селе, что увеличит силу милиции»³⁵.

Большинство исследователей деятельности правоохранительных органов периода революции и Гражданской войны в Сибири отмечают слабый уровень подготовки и дисциплины служащих милиции Сибирского Временного правительства и в городах Сибири. Так, губернский комиссар, неоднократно инспектировавший подразделения милиции региона, отмечал, что нарушение служебной дисциплины, выражавшееся чаще всего в употреблении спиртных напитков, стало повсеместным явлением милиции лета 1919 г. «За взяточничество, пьянство и бездеятельность» был расформирован «весь штат первого района Иркутского уезда»³⁶. В ежедневных приказах начальника Иркутской городской милиции периодически сообщалось о заключении в тюрьму и увольнениях милиционеров за пьянство, а также наказаниях (арестах) за иные нарушения дисциплины, прежде всего за неумелое и неосторожное обращение с оружием, а также грубое, некорректное обращение с гражданами.

Представляющий интерес, поучительный и для современной российской полиции случай имел место на Усольском курорте 10 августа 1919 г. Когда после концерта у выходящей публики проверяли документы, гр. Каргаполов «не мог показать документа, так как он был у него в номере». Милиционер, «выведенный из

терпения», пожаловался начальнику 1-го отдела Иркутской уездной милиции Загоскину, Загоскин приказал «расстрелять» Каргаполова. Милиционеры «приняли за шутку» слова своего начальника и поугали Каргаполова. Более чем через месяц, 18 сентября 1919 г. о данном случае и о шутке Загоскина в газете «Наше дело» была опубликована статья, в заключение которой автор написал, «что те, кому это ведать надлежит, обратят на указанный факт внимание и примут соответствующие меры для охлаждения пыла Загоскина»³⁷.

Конечно, в Иркутской губернии уделялось внимание профессиональной и нравственной подготовке милиционеров. В марте 1919 г. в Иркутске была организована школа милиционеров, решение об организации которой было принято еще в октябре 1918 года. В ней прошли обучение только 30 милиционеров и 6 помощников начальников районов. Они обучались в течение четырёх месяцев на основе «программы для школ урядников»³⁸.

Подготовку проходили как поступавшие на службу в милицию, так и действовавшие сотрудники. В качестве преподавателей привлекались руководители подразделений милиции и сторонние преподаватели. Обучавшиеся изучали следующие дисциплины: «Гимнастика и военный строй», «Административное право и положение о сибирской милиции»; «Устав о воинской повинности»; «Медицинский надзор и гигиена»; «Ветеринарный надзор»; «Уголовное право»; «Уголовный процесс»; «Государственное право»; «Финансовое право»; «Акцизный устав»³⁹.

Первый выпуск школы милиции состоялся 18 сентября 1919 года. Закончившие школу на «хорошо» и «отлично» получили поощрение от руководства и выдвигались на повышение в должности.

Отрицательное влияние на деятельность милиции оказывал недостаток средств на её содержание, выражавшийся, кроме низкого уровня денежного довольствия, в недостатке штатных единиц. Жители города были недовольны и недостатком милиционеров, и вынужденными налогами на содержание необходимого для надлежащей охраны общественного порядка штата милиционеров. Введение осенью 1918 года дополнительных налогов на содержание добавочного штата милиционеров вызывало недовольство населения. Сокращение военными властями данного штата в Иркутске на 84 человека в конце июня 1919 года отрицательно

³² ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 5.

³³ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 177.

³⁴ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 46.

³⁵ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 5.

³⁶ В уездной милиции // Наше дело. – 1919. – 9 августа. – С. 3.

³⁷ Администратор новой формации // Наше дело. – 1919. – 18 сентября. – С. 4.

³⁸ К вопросу о курсах для милиции // Свободный край. – 1919. – 21 ноября. – С. 3.

³⁹ Курсы для чинов милиции // Свободный край. – 1919. – 18 июня. – С. 2.

повлияло на криминогенную ситуацию в городе, и в августе 1919 года, «идя навстречу настоятельному желанию Иркутян», командующий Иркутским военным округом «на средства путём специального сбора» снова увеличил штат городской милиции⁴⁰.

Во второй половине 1919 года в Иркутск и в уезды губернии стали прибывать многочисленные беженцы и эвакуированные из регионов, оставленных Колчаковскими войсками. Эвакуированные сотрудники милиции были обязаны зарегистрироваться по месту прибытия, прикомандироваться к местным «учреждениям милиции, неся службу наравне с местными чинами»⁴¹. Поэтому мы должны отметить, что в последние месяцы власти в Иркутске Сибирского Временного правительства штатная численность милиции увеличивалась и комплектовалась в основном за счёт эвакуированных.

Весной 1919 года в Иркутске началось формирование отряда милиции особого назначения для борьбы с вооружёнными противниками действующей власти, то есть красными партизанами. Набор в отряд бывших пленных красноармейцев можно считать главным кадровым провалом в деятельности управляющего губернией П. Д. Яковлева. ОМОН Иркутской губернии насчитывал 1136 солдат и офицеров, которых иркутские большевики считали на 75 % своими [1, с. 79].

В результате только 6 августа 1919 г. к партизанам перешёл 41 человек особотряда, а на следующий день еще 43 бойца. Данные обстоятельства вынудили П. Д. Яковлева прибегнуть к другим методам формирования отряда и прикомандировывать к нему добровольцев из действующих боевых частей [8, с. 330]. Однако это не помогло, отряд по словам самого П. Д. Яковлева, «превратился в банду карателей», прославился «бесчинствами и насилиями, или, в лучшем случае переходом на сторону красных» [10, с. 49]. В конце концов в декабре 1919 года ОМОН во главе со своим командиром Ф. С. Решетиным перешёл на сторону Политцентра, и власть А. В. Колчака в Иркутске пала.

Итак, оценивая деятельность властей Иркутской губернии по комплектованию подразделений милиции, необходимо признать, что руководители различных уровней в меру своих ограниченных ресурсов старались укрепить органы охраны общественного порядка. Отрицательное влияние оказало решение Омского правительства создать централизованное МВД, в ведении которого находились бы региональные подразделения «народной милиции», без соответствующего надлежащего финансирования этих структур. В результате провалом завершилась попытка использовать милицию, сформированную из местных жителей, в вооружённом противостоянии со сторонниками большевиков. Необходимой мотивации для ведения боевых действий с партизанами губернская «народная милиция» не имела. Более того, увидев, что войска А. В. Колчака терпят поражение, она перешла на сторону Советской власти и перережала сообщения «белого» правительства в центре Восточной Сибири.

⁴⁰ Усиление городской милиции // Свободный край. – 1919. – 23 августа. – С. 3.

⁴¹ Официальный отдел // Свободный край. – 1919. – 3 сентября. – С. 3.

Список литературы

1. Грозин С. Ю. Милиция Временного правительства (февраль–октябрь 1917 г.) / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат. XXII науч.-практ. конф. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. – С. 175–177.
2. Костылев А. О. Работа с кадрами милиции при временном правительстве / Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел : межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – Москва: Моск. ун-т МВД России, 2002. – С. 199–202.
3. Кузнецова Е. Н. Политика Временного правительства в области охраны общественного порядка: опыт создания народной милиции / Российская полиция : три века служения Отечеству : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 850–856.
4. Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. – Москва: Юридический институт МВД России, 1999. – 169 с.
5. Машкова А. С. Правовые основы деятельности милиции в 1917–1918 гг. // История, теория, практика российского права. – 2019. – № 12. – С. 126–138.
6. Нижник Н. С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований // Полицейская деятельность. – 2017. – № 6. – С. 35–78.

7. *Петров А. В.* К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 1 (15). – С. 35–40.

8. *Петров А. В.* Народная милиция временного правительства и милиция антибольшевистских правительств: сравнительно-правовой аспект (на материалах Сибирского и Уральского региона). – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, 2005. – 148 с.

9. *Рязанов С. М.* Бывшие полицейские и тюремные чиновники в годы революции и Гражданской войны / Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 : материалы научной конференции / под ред. С.В. Неганова. – Пермь: ПермГАСПИ, 2019. – С. 261–270.

10. *Скорикова Н. А.* Из истории Сибирской милиции // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 10 (93). – С. 327–331.

11. *Сонин В. В.* Правовое положение милиции Временного правительства Приморской земской управы (1920 г.) // Вологодские чтения. – 2009. – № 72. – С. 9–10.

12. *Фирсов И. Ф.* Народная и рабочая милиция Зауралья // Академический вестник. – 2012. – № 1 (19). – С. 189–194.

13. *Шабельникова Н. А., Черномаз В. А.* Организационные основы становления милицейских учреждений Приморья в 1917–1922 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 10. – С. 49–52.

References

1. *Grozin S. Yu.* Militsiya Vremennogo pravitel'stva (fevral'–oktyabr' 1917 g.) / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh : sb. mat. КНКНН наuch.-prakt. konf.. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2017. – S. 175–177.

2. *Kostylev A. O.* Rabota s kadrami militsii pri vremennom pravitel'stve // Voprosy sovershenstvovaniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti organov vnutrennikh del: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov ad»yunktov i soiskateley. – Moskva: Mosk. un-t MVD Rossii, 2002. – S. 199–202.

3. *Kuznetsova Ye. N.* Politika Vremennogo pravitel'stva v oblasti okhrany obshchestvennogo poryadka: opyt sozdaniya narodnoy militsii / Rossiyskaya politsiya : tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 850–856.

4. *Malygin A. Ya., Stepanov M. M.* Pravookhranitel'nyye organy belykh pravitel'stv. – Moskva: Yuridicheskiy institut MVD Rossii, 1999. – 169 s.

5. *Mashkova A. S.* Pravovyye osnovy deyatel'nosti militsii v 1917–1918 gg. // Istoriya, teoriya, praktika rossiyskogo prava. – 2019. – № 12. – S. 126–138.

6. *Nizhnik N. S.* Politziya Rossiyskoy imperii v kontekste sovremennykh istoriko-pravovykh issledovaniy // Politseyskaya deyatel'nost'. – 2017. – № 6. – S. 35–78.

7. *Petrov A. V.* K voprosu o pravovom obespechenii organizatsii i deyatel'nosti militsii Vremennogo pravitel'stva i militsii «belykh» pravitel'stv Urala i Sibiri // Vestnik Permskogo universiteta. – 2012. – № 1 (15). – S. 35–40.

8. *Petrov A. V.* Narodnaya militsiya vremennogo pravitel'stva i militsiya antibol'shevistskikh pravitel'stv: sravnitel'no-pravovoy aspekt (na materialakh Sibirskogo i Ural'skogo regiona). – Chelyabinsk: Izd-vo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. – 148 s.

9. *Ryazanov S. M.* Byvshiy politseyskiye i tyuremnyye chinovniki v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny / Noyabr'skiye istoriko-arkhivnyye chteniya – 2018 : materialy nauchnoy konferentsii / pod red. S. V. Neganova. – Perm': PermGASPI, 2019. – S. 261–270.

10. *Skorikova N. A.* Iz istorii Sibirskoy militsii // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2014. – № 10 (93). – S. 327–331.

11. *Sonin V. V.* Pravovoye polozheniye militsii Vremennogo pravitel'stva Primorskoj zemskoy upravly (1920 g.) // Vologodinskiye chteniya. – 2009. – № 72. – S. 9–10.

12. *Firsov I. F.* Narodnaya i rabochaya militsiya Zaural'ya // Akademicheskij vestnik. – 2012. – № 1 (19). – S. 189–194.

13. *Shabel'nikova N. A., Chernomaz V. A.* Organizatsionnyye osnovy stanovleniya militseyskikh uchrezhdeniy Primor'ya v 1917–1922 gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2017. – № 10. – S. 49–52.